СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

М.Г. Лазар

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

M.G. Lazar

ECOLOGICAL PARADIGM OF THE MODERN CULTURE: A MYTH OR REALITY?

В статье исследуются научные основания и практические предпосылки формирования экологической парадигмы в современной культуре на примере отечественной и зарубежной литературы. Рассматриваются исторические формы и этапы формирования экологической парадигмы, проблемы ее утверждения на этапе переходного периода истории России.

Ключевые слова: антропоцентристская парадигма, экологическая парадигма, социальная экология, культура, развитие России.

In article are researched scientific basis and practical premises of the shaping the ecological paradigm in modern culture on example domestic and foreign literature. They Are Considered history forms and stages of the shaping the ecological paradigm, problems of its statement in step of connecting period of the histories to Russia.

Keywords: paradigm, ecological paradigm, social ecology, culture, development to Russia.

В истории европейской культуры наблюдались два типа взаимоотношений общества и природы, две парадигмы развития этих взаимоотношений. **Антропоцентристская** парадигма культуры, ставящая человека в центр мироздания, возникла на базе мировоззрения гуманизма. Ее сторонники (от Декарта до Канта) считали человека господином и хозяином природы. Утилитаризм как частный случай антропоцентризма, утилитарное отношение к природе, утилитарная этика и мировосприятие вообще признают только объекты и ценности, которые находятся в пределах интересов человека. Они существуют и преобладают и сегодня, но в конце XX столетия начала утверждаться альтернативная антропоцентризму и экономически-утилитарному подходу к природе парадигма, получившая название **экологической, эоцентристской парадигмы**.

Несмотря на широкое употребление слова «парадигма» в последние два-три десятилетия представляется необходимым кратко раскрыть содержание этого понятия в естественных и социально-гуманитарных науках.

Понятие «парадигма» трактуется в литературе неоднозначно: как базовый элемент процесса научного познания законов природы и общества, как некий социокультурный императив социальной активности, как культуурообразующий тип деятельности и пр. Первый смысл впервые был раскрыт американским историком науки Т.Куном в своей знаменитой работе «Структура научных революций» [Кун, 1977]. Под парадигмой он понимал наилучший на данный момент способ объяснения устройства мироздания. Парадигма характеризуется двумя наиболее существенными признаками: а) способностью «привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований» и б) достаточной открытостью, «чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [Кун, 1977, с. 28, 44–45]. В науковедении парадигма, в конечном счете, представляет собой исследовательскую позицию определенного научного сообщества по отношению к окружающему миру, она – инструмент объяснения законов именно физического мира в форме обобщений, принципов, констант или количественных законов. Т. Кун подчеркивал, что для того чтобы понять, почему наука развивается, «... следует уяснить способ, посредством которого специфическая система общепринятых ценностей взаимодействует со специфическими опытными данными, признанными сообществом специалистов, с целью обеспечить гарантии того, что большинство членов группы будет считать в конечном счете решающей какую-либо одну систему аргументов...» [Кун, 1977, с. 260–261].

Такая интерпретация касается естественных наук, так как английское понятие «Science» обозначает не всю науку, а только естествознание. Применительно к нашей тематике, можно считать обоснованным мнение известного специалиста в области социальной экологии О.Н.Яницкого, о том, что *концепцию В.И Вернадского о биосфере и ноосфере можно считать первой попыткой построения в естественных науках иной парадигмы*. Ссылаясь на известное положение Вернадского о том, что человечество как живое вещество неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой, а следовательно, оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту, О.Н. Яницкий констатирует: «Таким образом, фактором эволюции биофизического мира становится совокупное живое вещество планеты, а человечество превращается в геологическую силу и соответственно биосфера – в ноосферу. Фактически концепция биосферы и ноосферы суть типичные экологические парадигмы: они, по Куну, привлекли на свою сторону многих сторонников из других областей знания и были достаточно «открытыми», чтобы последующие поколения ученых могли решать новые проблемы в их рамках» [Яницкий, 2006, с. 83].

В общественных науках, и в первую очередь в социологии, понятие парадигмы трактуется существенно шире в том смысле, что каждая отрасль социологического знания может содержать несколько конкурирующих парадигм. Об этом писали Е.А. Здравомыслова, С.А. Кравченко, С.А. Красиков и др. [Здравомыслова, 1993; Кравченко, 2004]. С ними не согласен Л.И. Москвичев, мечтающий о создании «общей социологической теории», которая, по его мнению, не тождественна «единой социологической теории» [Москвичев, 2006, с. 16].

Понятие «парадигма» применительно к экологии в дальнейшем будет нами определяться как некая познавательная матрица, включающая совокупность мировоззренческих принципов, категорий, исследовательских установок и методов, с помощью которых осуществляется познание окружающего мира неким научным сообществом в определенный период истории общества.

Что касается социальной экологии, то в ней под экологической (инвайронментальной) парадигмой обычно понимается некоторый основополагающий принцип взаимоотношений человека и природы, или, как писал Л. Милбрес, она может быть определена как «доминирующая система верований, которая задает людям способ восприятия и интерпретации функционирования окружающего мира».

Парадигма здесь выступает, как было уже отмечено, в качестве доминирующего взгляда на мир, который определяется им как «система, состоящая из ценностей, метафизических верований, институтов, обычаев и т.д., которые в совокупности представляют собой социальные очки, посредством которых индивид и группы интерпретируют их социальный мир» [Milbrath, 1984, с. 7]. Милбрес построил свою Новую экологическую парадигму на базе сравнительного эмпирического исследования, проведенного в США, Англии и Германии в 1980–1982 гг. Это концепция инвайронментального реформирования общества. Социальная парадигма близка здесь по смыслу к понятию «методология», «мировоззрение», она содержит жизненно важную информацию, необходимую для воспроизводства культуры, она создает структуру социальных и иных вознаграждений в отношении различных типов человеческого поведения и создает общую систему норм и запретов.

Определенная парадигма доминирует в том смысле, что она разделяется, поддерживается доминирующими группами индустриальных обществ и потому служит легитимации институтов и практик рыночной экономики. В этом смысле религиозные системы (язычество, христианство, буддизм) правомерно. В западной социологии долгое время не было развернутой формулировки **инвайронментальной парадигмы**, хотя с некоторой натяжкой классовую борьбу К. Маркса или протестантскую этику М. Вебера можно трактовать как парадигмальные основания для объяснения процессов взаимодействия общества и природы. Определенный и осязаемый сдвиг произошел на рубеже 1970–1980-х годов, когда был создан «Римский клуб», международное неправительственное междисциплинарное сообщество ученых (естественников и гуманитариев), когда осуществились работы по международной биологической программе, а за

тем по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Тогда же росло внимание к проблемам экологии со стороны ООН, а в СССР появились первые публикации на экологическую тематику и первые экологические движения.

Зарождение и эволюция **социальной экологии**, собственно социологической, интегральной дисциплины, создала вместе с предыдущими шагами ту критическую массу знаний, информации и общественного интереса, которые в совокупности привели к парадигматическому переосмыслению взаимоотношения человечества и биосферы, что и было осуществлено американскими социологами У. Каттоном и Р. Данлепом [Catton, 1978, с. 34].

Различия антропоцентристской парадигмы человеческой исключительности (старой) и **экологической (новой) парадигмы** они сформулировали следующим образом: 1) в отличие от принципа исключительности человека по отношению к остальным животным в новой парадигме человек является одним из многих живых существ, включенных в глобальную биофизическую среду; 2) если в антропоцентристской парадигме социальные и культурные факторы, включая технологию, являлись главными детерминантами активности, деятельности людей, то новая парадигма постулирует сложную и не всегда предсказуемую зависимость человека от биофизической среды, поскольку человеческая активность включена в сложные причинно-следственные и обратные связи с природой; 3) ранее предполагалось, что культура кумулятивна, что социальный и технологический прогресс может продолжаться бесконечно, теперь люди осознают, что социальный прогресс ограничен экологическими законами, которые не могут быть никем отменены.

Как отмечает О.Н. Яницкий, новая экологическая парадигма – «это прежде всего социокультурная парадигма, поскольку говорит о равенстве всех живых существ и ограничении их жизнедеятельности биофизической средой, о фундаментальном праве всех на существование. Эти постулаты, вольно или невольно, направлены и против некоторых канонов христианства, и против идеологии технократизма, сциентизма и концепции потребительского общества» [Яницкий, 2006, с. 85–86].

Встает, однако, вопрос о том, как именно следует интерпретировать эти ограничения, налагаемые биосферой на деятельность людей? Что именно следует ограничивать: численность людей, темпы роста, потребности людей? Нужны были более четкие методы социокультурной интерпретации экологического знания и экологической информации, что частично осуществлено в работах последних лет цитированного выше автора [Яницкий, 2002, 2004, 2007] и других исследователей. Как оказалось, в те же годы другой американский исследователь, Б. Коммонер, предложил более четкие принципы сути экологической парадигмы, которые оказались более эвристичными, более «рабочими», чем «новая экологическая парадигма» его соотечественников. Известные принципы Коммонера «все связано со всем», «все куда-то попадает» и т.д. [Коммонер, 1974] – суть одновременно социальные маркеры и культурные императивы,

обозначающие коридор возможной экспансии человека в природу. В конце XX столетия были предприняты попытки смоделировать различные ограничения, возникла концепция «пределов роста» Д. Медоуза, появились другие доклады его коллег по «Римскому клубу» 1970–1980-х годов [Медоуз, 1994]. Попытки этого клуба смоделировать различные ограничения обладают тем достоинством, что рассматривают развитие системы «человечество-биосфера» в ее динамике, т. е. осуществляют естественно-исторический подход, идущий в то же русло, что и концепция биосферы (ноосферы) В.И. Вернадского. Они имели большой резонанс в обществе благодаря междисциплинарному подходу к проблеме, проигрыванию различных вариантов мировой динамики, возможности ее политической интерпретации, ее «встроенности» в профессиональный и публичный дискурс.

В отличие от концепции «новой экологической парадигмы» Каттона и Данлепа, родившейся в рамках становящейся тогда экологической социологии, **концепция пределов роста** формировалась как многоканальный диалог науки и общества, диалог между различными типами обществ и культур. Более того, как отмечает О.Н. Яницкий, «...с конца 90-х годов делались систематические попытки применения концепции «пределов роста» для решения проблем конкретных регионов мира – средиземноморского, балтийского и др. – с соответствующими корректировками и уточнениями. Наконец, концепция «пределов роста» соответствует взгляду на биофизическую среду как на социализированную природу, что, в свою очередь, соответствует общеметодологическому принципу «конца Другого», развиваемому У. Бекком, Э. Гидденсом и другими теоретиками рефлексивной модернизации» [Яницкий, 2006, с. 86–87].

Однако возникает закономерный вопрос: почему экологическое мышление, экологические ограничения и рекомендации внедряются так медленно? Это происходит в силу того, что сами биосферные процессы медленны (пока), невидимы и проявляются в форме «внезапных катастроф» (типа тайфунов в неожиданных местах, перенесения холодов в Европе или на севере Африки, потепления климата в ряде регионов). Между тем, современные экологические конфликты, как отмечали Каттон и Данлеп в указанной работе, – это столкновения между настоящими и будущими поколениями за ограниченные ресурсы конечной экосистемы. Люди же, как в Европе, так и в России, живут пока только настоящим, только оно имеет жизненное значение, «завтра» же представляется им как «жизнь в условиях неопределенности», к которым еще предстоит как-то приспособиться. Именно это обстоятельство дало основание создателям экологической этики определить ее главный императив как необходимость заботы о будущих поколениях.

Кроме того, биосфера воздействует на человека *опосредовано*, ее ограничения всегда имеют социальную форму предметов и практик в виде загрязненного людьми воздуха, воды и почвы, фальсифицированных продуктов питания, инфекции и пр., а культурно одобряемые формы поведения изменяются все бы-

стрее. Рядовой человек понимает, что глобальное потепление – это опасность, но дискуссии о ней, а тем более решения о ее предотвращении ведутся в терминах, не доступных его пониманию, как, например, дискуссии о Киотском протоколе. Сами экологические риски не воспринимаются непосредственно органами чувств человека, за исключением «урагана», «потопа», «пожара». Их надо всесторонне и широко обсуждать всеми доступными средствами формирования экологического сознания. Это и обуславливает необходимость экологизации образования, экологического просвещения людей, особенно технических специалистов, управленцев, политических деятелей.

Массовая культура западного мира, а теперь и России и других стран восточного полушария теперь снова исповедует идеологию потребительского общества. На практике это означает, что богатое меньшинство во всех странах способно обеспечить себе неопределенно долго благополучие и безопасность даже в условиях глобального экологического кризиса, а бедные должны сами как-то выживать или исчезнуть навсегда как «лишние люди». Это подтвердила катастрофа, вызванная цунами в Новом Орлеане и других городах юго-восточных штатов США в августе 2005 г.

Экологическая парадигма, основанная на одних лишь ограничениях, налагаемых биосферой на человеческую жизнедеятельность, как было в предложенном Каттоном и Данлепом варианте, не содержит способов «встраивания» этого императива в культуру периода постмодерна. То есть в ней непонятно, идет ли речь об ограничениях, налагаемых природой (биосферой), или же об ограничениях, налагаемых обществом на свою собственную деятельность, т. е. о *социокультурных* ограничениях. В данной концепции не было ясно, о каких именно механизмах и принципах идет речь, – о внешних или внутренних.

Известный историк природоохранного дела и экологической культуры в СССР/России Д. Вайнер показал, что характер этих самоограничений *зависит от позиции их носителя (идеолога) и от соответствующего социально-политического контекста*. По его мнению, в России/СССР первой половины XX века существовали три основных типа отношений к природе, воплощенных в соответствующих концепциях: *пасторальный, экологический и прагматический*. В первом акцент делался на самоценности природы вне зависимости от того, приносит ли она пользу человеку или нет, а другие живые существа имеют равное с нами право на существование. Вторая, «экологическая концепция», была чисто сциентистской, ее сторонники утверждали, что лишь научный анализ может гарантировать то, что экономический рост будет оставаться в рамках, определяемых необходимостью сохранения здоровой природы. Прагматическая концепция была, по сути, утилитаристской и сводилась к узкому толкованию понятия «ресурсы», руководствуясь критериями сиюминутной выгоды. Как подчеркивал Д. Вайнер, все эти три тенденции образовались еще до революции 1917 г. [Вайнер, 1991, с. 336–338].

Если попытаться разобраться, **что было в СССР и что есть сегодня в России** в плане состояния экологической парадигмы, то, по меткому выражению О.Н. Яницкого, тоталитарное общество СССР может быть представлено как «парадигма системной исключительности». Эта парадигма характеризуется следующими императивами: 1) претензия на высший тип развития общества, к которому должны стремиться все другие общества; 2) императив тотальной управляемости (природой, людьми, культурой); 3) императив прогресса: будущее системы есть бесконечное прогрессивное развитие, преодолевающее все ограничения на базе перманентной мобилизации людских и природных ресурсов; 4) императив примата системы над средой: мир есть бесконечный набор ресурсов для достижения целей данной системы, чем территориально шире система, тем она сильнее; 5) императив примата идеологии над культурой: человеческая природа может быть и должна быть переделана; 6) геополитический императив: система окружена враждебным миром, поэтому наращивание ВПК и силовых структур – главные инструменты достижения господства над этой внешней средой [Яницкий, 2006, с. 89; см. также: Яницкий, 2002].

Сегодня российская политическая элита выбрала **путь ресурсного развития, прагматического по сути варианта парадигмы**, существовавший и до распада тоталитарного режима, предопределенный отсутствием политического влияния у научной элиты, отсутствием интеллектуальной традиции конструирования и обсуждения в обществе социетальных парадигм. Российская политическая элита стала силовым образом внедрять в жизнь сконструированный по рецептам западных советников «либеральный проект», а академическая наука была по сути отлучена от возможности повлиять на процесс реформирования. Интеллектуальный багаж парадигмального анализа, о котором шла выше речь, был просто отброшен. Экологический (интеллектуальный) авангард российского общества, имевший некоторое влияние на формирование идеологии реформ в начале 1990-х годов, сегодня также утерял свои научные и политические позиции. Государство ликвидировало Госкомэкологию, Службу леса и другие федеральные институты охраны и мониторинга состояния среды обитания и **фактически в угоду крупного бизнеса отказалось от своей функции социальной защиты конституционных прав граждан на здоровую и безопасную общественную среду**.

Поэтому в настоящее время можно предлагать лишь некоторые штрихи парадигмы переходного общества в России.

Парадигма переходного общества исходит из *аксиологического императива*: реформы есть благо для общества, они – способ догнать развитые индустриальные страны в сторону вестернизации. Она предполагает, что старая, плановая система может быть трансформирована в новую, рыночную систему посредством политических и экономических реформ, основными рычагами которых являются государственная политика, дозируемая децентрализация. Ре-

сурсы реформ – топливо-энергетический комплекс, силовые структуры, управляемая демократия.

Императив «коридора реформ» означает, что будущее общества – бесконечный прогресс, временные ограничения связаны с недостатком ресурсов, а риски – локальны и управляемы. Ограничения преодолеваются путем укрепления государства, привлечения капитала, новых технологий и людских ресурсов (из соседних стран).

Императив экономической детерминации предполагает, что природа «советского человека» может быть переделана в ходе реализации так называемого либерального проекта (на деле консервативного), т.е. под воздействием рыночной среды и информационных технологий культура и поведение человека будут сами изменяться в нужном направлении.

Наконец, *геополитический императив*, означающий сохранение роли России как глобальной державы, ее территориальной целостности и зон особых интересов любой ценой предполагает укрепление силового каркаса государства, усиление контроля над трансграничными ресурсно-энергетическими потоками в качестве основных рычагов геополитики [Яницкий, 2006, с.91].

По мнению указанного автора, это прежде всего *«ресурсная», истощительная, а не воспроизводственная, накопительная парадигма*. «Бизнес часто выдвигает ложные альтернативы типа «или мы потратим деньги на данный, пусть не самый удачный проект, или нам вообще больше никогда не дадут денег» [Яницкий, 2007, с.7]. Доминирующий взгляд на мир, лежащий в ее основе, – природу и социально освоенное пространство - можно в очередной раз реконструировать, теперь уже под новый, «либеральный» проект.

Централизация, вертикаль, а не самоорганизация снизу (развитое гражданское общество), монополия госчиновников, а не разнообразие конкурирующих сил, лежат в ее основе. При этом гражданское общество трактуется как нечто встроенное в государственную машину, а господствующими ценностями по-прежнему являются потребление и утилитарное отношение к природе и человеку. Прошлые экосистемные структуры (семья, профессиональные группы, территориальные сообщества) представляют ценность, только если они служат цели реализации этого «либерального» проекта. На деле – **это парадигма государственно-бюрократического детерминизма**, не нуждающаяся в социологических или экономико-экологических исследованиях. Пока предполагается, что «экосистема России» может быть коренным образом переделана в соответствии с этим проектом [Яницкий, 2004, 2006, 2007]. Остается надеяться, что последние выступления вновь избранного президента России Д. Медведева по поводу изменения ситуации в этом отношении будут услышаны и что-то изменится.

Рассматриваемая парадигма сохранила «прогрессистский» характер предыдущей, системной исключительности, но с более скромными амбициями – догоняющая модернизация за счет интенсификации использования природных ресурсов, а не путем наращивания человеческого капитала. Человеческая цена

реформ несущественна, так как государство более не является социальным – на плечи населения перекладывается экономическое выживание. И это тоже элемент прогрессистской идеологии.

Культурная составляющая парадигмы переходного периода внутренне содержит *императив примата рыночной идеологии над культурой*, идею о том, что человеческая природа, сформулированная предыдущим режимом, должна быть переделана в соответствии с либеральной идеологией. Мы снова имеем дело с идеей «создания нового человека», а селекция нужных человеческих качеств осуществляется как экономическими, так и силовыми методами. На деле мы наблюдаем примат интересов крупного бизнеса над интересами населения, над назревшими экологическими потребностями страны и особенно ее отдельных регионов и категорий населения.

Можно согласиться с идеей автора излагаемой парадигмы о том, что либеральная и экологическая парадигмы, особенно в их российском варианте, трудно совместимы, ибо принципы, лежащие в их основе, качественно различны.

Структуры биосферы эволюционны, устойчивы и пространственно фиксированы, биосфера подчинена законам мироздания. Изменения в биосфере, возникшие под воздействием человеческой активности, накапливаются медленно, они трудно уловимы, а достигнув определенной критической массы, превращаются во «внезапные» катастрофы.

Изменения социосферы носят скачкообразный и прерывный характер, ее функциональные потоки (капиталов, природных ресурсов, людей, информации) изменчивы и экстерриториальны, императив их управляемости, декларированный политиками, регулярно опровергается природными и социогенными катастрофами, порождающими глобальные кризисы экономических и финансовых институтов либерального общества. Оптимизация этих потоков происходит по принципу «здесь и сейчас».

Проблема состоит в реальном создании новой экологической парадигмы, по крайней мере, для России. А первым шагом в этом направлении был бы *переход от ресурсо-центрированной к интеллектуально-центрированной парадигме общественного развития*. Сегодня ученые выступают перед властями скорее в роли адвокатов от экологии, чем экспертов, влияющих на принятые решения. Они составляют экологические карты регионов, обращают внимание на необходимость извлечения локального знания, на способы его соединения со знанием академическим и их комплексной политической интерпретации. «Это принципиально новый момент в развитии гражданского общества и практики охраны окружающей среды. Локальное знание – это знание о «месте» и для «места». Это, в частности, знание о природных, социальных и культурных ресурсах, которые необходимы для выживания местного человеческого сообщества и сохранения природных экосистем» [Яницкий, 2007, с. 9].

Сегодня не только в России, но и во всем мире, вступившем в эпоху постмодерна, неопределенности и кризисного развития, ощущается ускорение

темпов «чрезвычайных ситуаций» и катастроф, свидетельствующих о вызове природы либеральной модели, что не исключает, а усиливает значимость как глобальных, так и локальных экологических знаний.

Задача ученых, преподавателей нашего вуза состоит в том, чтобы активно содействовать возможным изменениям в сознании будущих специалистов путем **экологизации образования**, процесса подготовки специалистов – не только по классическим для нашего вуза специальностям в области океанологии, метеорологии, гидрологии, – но и экономистов-менеджеров, экологов, специалистов в области связи с общественностью, т.е. специалистов непосредственного будущего, призванных решить многие из отмеченных выше проблем.

Литература

1. *Вайнер Д.* Экология в советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. – М.: Прогресс, 1991.
2. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб.: Наука, 1993.
3. *Коммонер Б.* Замыкающийся круг. Природа, человек, технологии. – Л.: Гидрометеиздат, 1974.
4. *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. – М.: Анкил, 2004.
5. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977.
6. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.* За пределами роста. – М.: Прогресс, Пантя, 1994.
7. *Москвичев Л.И.* Этапы институционализации российской социологии // Социологические исследования, 2006, № 7, с. 3–17.
8. *Яницкий О.Н.* Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
9. *Яницкий О.Н.* Диалог науки и практики // Общественные науки и современность, 2004, № 4.
10. *Яницкий О.Н.* Экологическая парадигма как элемент культуры. // Социологические исследования, 2006, № 7, с. 83–92.
11. *Яницкий О.Н.* Акторы и ресурсы социально-экологической модернизации. // Социологические исследования, 2007, № 7.
12. *Catton W.R., Dunlap R.E.* Environmental Sociology: A New Paradigm. // American Sociologist, 1978, vol. 13, p. 41–49.
13. *Dunlap R.E.* Environmental Sociology // Organization and Environment/ 2002, vol. 15, N 1.
14. *Milbrath L.* Environmentalists: Vanguard for a New Society. – Albany: State University of New York Press, 1984.